

Там Януарий, в предвкушенье сна,
Сидел спокойно на краю кровати.
Свою супругу тысячью объятий
Намучивши, он лег и захрапел,
А Мая вышла, словно бы для дел,
Которых, несмотря на все желанье,
Не избежишь, и, прочитав посланье,
Его разорвала в клочки. Затем
Их бросила – куда, понятно всем.
Как на душе теперь у Май милой,
Когда с ней рядом муж храпит постылый?
Вдруг кашлем прерван мужа сладкий сон.
Глаза продравши, Маю просит он
Все снять с себя. «С тобой вкусить утеху
Желаю, молвит, платье мне помеха».
Что было делать ей? Лишь покориться.
Но тут остановлюсь, – ханжам сердиться
Дать повод не хочу, молчу о том,
Чем были заняты они потом, -
И в рай ли, в пекло ли попала Мая,
Вечерний звон их поднял... Я не знаю,
Судьба ль тому виной была, иль случай
Природы ли воздействие могучей,
Иль, может быть, стечение светил,
Особенных исполненное сил,
В чьей власти нежный пол сводить с ума
При помощи любовного письма
(Ведь все на свете свой имеет срок),
Лишь бог нам это разъяснить бы мог.
Которому открыты все причины, -
Мне в эти нечего влезать глубины, -
Но верно то, что в этот день покоя
Лишилась Мая, жалостью такую
Проникшись к Дамиану, что о нем
Забыть была не в силах и о том
Мечтала лишь, чтоб излечить больного
«Пускай меня осудят все сурово, -
Так думала она, – мне дела нет!
Ах, он дороже мне, чем солнца свет,
Его люблю, хотя б он нищим был».
Вовек всемогущим состраданья пыл
Над благородным сердцем. Надо честно,
Однако же, признать, что повсеместно
Есть женщины, – их встретишь каждый день, -
Чья грудь таит не сердце, а кремень.
Оки погибнуть дали б Дамиану,
Ему елея не пролив на рану,
И этим бы на весь гордились свет,
Себя убийцами не сознавая, нет.
Больному Дамиану сострадая,
Письмо наутро написала Мая,
В котором изложила, не таясь,
Свои все чувства, про свиданья час
И место не сказавши ни полслова:
Ему отдаться, мол, всегда готова.